

Натаров В.А. *ОСС! (20 лет в каратэ)* - М., 2001

Главы из книги

1982—1983. Университет «Токай». Стиль «Вадо-рю»

Октябрь 1982 года. Наша группа, наконец, выезжает на стажировку в Японию, и без преподавателя. Буквально за месяц до отъезда одобренный всеми инстанциями преподаватель серьезно заболел, а замену оформить не успели. Так что нас отправили одних, а надзирателя обещали прислать вдогонку — как можно быстрее. Честно сказать, никто из нас не испытывал особого страха от того, что нам будет какое-то время плохо на чужбине без старшего «товарища».

Путь в Японию оказался непростым. В Министерстве образования явно сэкономили на студентах и отправили нас не прямым авиарейсом Москва—Токио, а более изощренно, но дешево: самолетом до Хабаровска, далее — поездом до Находки и двое суток пароходом до порта Ёкогама.

Плыть пароходом по уже штормящему октябрьскому морю двое суток, без опыта подобных круизов, оказалось весьма тяжелым испытанием. Во всяком случае на капитанский ужин смогла выйти лишь Жанна К., остальные слегли от «морской болезни». Уже позже, в Японии, Жанну, кореянку по национальности, местные жители часто принимали за свою. Однажды она даже выиграла танцевальный конкурс, проводившийся в одной из гостиниц на южном острове Кюсю, куда нашу группу возили на экскурсию. Танец состоял из единственного движения — вращения бедрами под гавайскую музыку. При вручении ей приза — колечка с бриллиантом — случился конфуз. Когда Жанна громогласно представилась: «Я — Жанна, студентка из Советского Союза!», организаторы были в шоке. Зрители — в основном японцы — недовольно загудели: мало того что советская, да еще и нелюбимая японцами кореянка! Засуетился и наш преподаватель: «Как же ты кольцо через границу повезешь? И что подумают в посольстве? Может, вернуть?» В результате оконфузившиеся организаторы дали Жанне официальную справку, что бриллиант ненастоящий, чем окончательно успокоили нашего преподавателя...

...Наконец пароход вошел в порт Ёкогама. Движение пароходов, танкеров и сейнеров было там настолько плотным, что казалось — еще немного и образуется пробка, точно такая же, как на автомобильных дорогах.

Когда нас привезли на автобусе к общежитию, уже было темно. Университет располагался в префектуре Канагава, в 50 км от Токио.

Нас расселили в комнаты по двое — девочки на втором этаже, мальчики — на третьем. Я почти сразу лег спать, последнее ощущение перед тем, как я крепко заснул, был приятный аромат, исходящий из пакетика с сушеными травами, вложенного в наволочку подушки.

Нас разбудили в 9 утра, сказав, что через час нас ждут в учебном корпусе, расположенном через дорогу.

В октябре в Японии прекрасно: еще очень тепло, солнечно, безветренно. При свете дня удалось немного осмотреться. Трехэтажное здание общежития находилось за основной территорией студенческого городка (кампуса). Второй и третий этажи были жилыми, его обитателями, помимо нас, были японцы, китайцы, филиппинцы, корейцы, болгары и даже один новозеландец.

На первом этаже находились кухня — одна на всех, две душевые с ваннами в японском стиле и конференц-зал с цветным телевизором. В жилых комнатах — минимум удобств: большие железные кровати, когда-то бывшие двухъярусными, а теперь верхний ярус снят, железные шкафы канцелярского типа, столы и стулья. Тогда общежитие было свежевыкрашено в белый цвет и смотрелось неплохо. Спустя много лет, в августе 1999 года, я побывал в «Токае» — похоже, что общежитие со времен моей стажировки так больше и не красили: стены приобрели уже не серый, а черноватый оттенок, и здание как-то скукожилось, пострашнело.

Рядом со входом висела иероглифическая надпись: «Кokusай кайкан» — «Международное общежитие». Из-за того что сразу за общежитием располагалась свиноводческая ферма (через несколько лет ее снесли и сделали продуктовый рынок), ветер порой приносил в комнаты довольно неприятные запахи, за что общежитие в студенческой среде получило название «Кусай

кайкан» — «Вонючее общежитие». Зимой свиньям было холодно, и их громкое жалобное хрюканье по ночам мешало спать.

Перед входом в общежитие росло несколько пальм, а рядом была небольшая поляна, на которой мы потом много раз играли в футбол. Учебный корпус для иностранных студентов также находился за территорией основного кампуса, рядом с университетской столовой, своей формой напоминая здание цирка на Ленинских горах.

Сама территория кампуса была большой, ухоженной, очень зеленой, с мощеной булыжником пешеходной зоной, фонтаном и прудиком с рыбками.

Но больше всего меня поразило здание, которое находилось сразу за учебным корпусом для иностранцев.

Это был зал для занятий восточными боевыми искусствами. Попробуйте представить себе ощущения человека, который в течение четырех лет ездил через пол-Москвы на занятия каратэ и возвращался домой к полуночи и который вдруг оказался в Японии перед входом в настоящий додзё — всего в двух минутах ходьбы от общежития!

Это даже был не додзё (зал), а будокан — храм боевых искусств. Перед входом — деревянные ворота в традиционном японском стиле, за ними — брусчатая дорожка и каменная лестница, местами поросшая мхом. Рядом с воротами — большая раскидистая сакура, весной полюбоваться ее цветением приходили японцы со всей округи. Архитектура будокана сродни японским храмам — покатая крыша с загнутыми вверх краями, массивные деревянные столбы, веранда, раздвижные боковые стены. На шестах вдоль стен зала с внешней стороны сушились спортивные кимоно — «до-ги».

Внутри — два больших зала, площадью где-то 30 на 40 метров: тот, что справа от входа — для занятий дзюдо и айкидо, покрыт татами. Слева — для каратэ, кэндо, иайдо — пол деревянный, покрыт лаком и блестит так, что видно собственное отражение. На один уровень ниже располагались раздевалки, душевые и тренировочный зал со спортивными снарядами, маленьким пяточком для занятий вольной борьбой и боксерским рингом.

Я сразу понял, что в основном это вотчина дзюдоистов: при входе — портреты чемпиона мира Ямаситы и его учеников. Оказалось, что этот зал является базовым для тренировок национальной сборной Японии по дзюдо и для проведения сборов и стажировок для иностранных команд.

Великого чемпиона по дзюдо Ямаситу я увидел уже в первый день, когда он, здоровый и крепкий, весом хорошо за 100 килограммов, подкатывал к будокану на маленьком мопедике, которого и видно не было под этим богатырем.

Я решил, что через неделю-другую, освоившись, надо будет записаться в секцию каратэ.

Погружение в японскую действительность было стремительным. Занятия начались в первый же день после приезда, причем с девяти до пяти, с часовым перерывом на обед. Сразу же посыпались домашние задания: написать сочинение, выучить диалог, прочитать и разобрать грамматические особенности куска оригинального текста, сделать письменный перевод, подготовиться к занятиям по синхронному переводу в лингафоне... При этом надо было как-то сориентироваться — хотя бы где и что покупать из еды. Это сейчас наши супермаркеты практически не отличаются по набору и качеству продуктов от японских или американских. Я до сих пор помню впечатления от первого посещения продуктового магазина — стандартного, даже заурядного по японским меркам, магазина самообслуживания. Я вошел, взял, как все, корзину, задумчиво сделал круг, чувствуя рябь в глазах от многочисленных разноцветных этикеток. Собравшись с духом, купил у выхода мороженое. С тем и вышел, пораженный увиденным.

Через три недели, уже заметно освоившись, втянувшись в занятия, перезнакомившись с обитателями общежития и уже небрежно закидывая необходимые продукты в корзинку в супермаркете, я решил, что пора заняться и каратэ.

Начал действовать по-простому. Зашел в учебную часть и спросил, как можно устроиться в вашем университете в спортивную секцию. Ответ был невнятным: какие-то общие фразы о том, что это непросто, что непонятно, кто будет нести ответственность... Какую ответственность, за что? Я так и не добился четкого

разъяснения. От меня явно хотели отделаться и сказали, чтобы я зашел еще через пару недель.

Прямое обращение в секцию каратэ не дало результата. Смысл ответа был примерно таков: все вы, иностранцы, поначалу хотите в каратэ, потом бросаете занятия, а кто за это будет нести ответственность? Опять эта ответственность! Ничего не понятно!

Но все-таки получить разъяснения можно было только у самих японцев, поэтому я решил обратиться к одному из студентов, жившему в том же общежитии. Это был довольно упитанный, улыбчивый японец по имени Хироси. Он изучал русский язык, а в комнате на полке держал труды Маркса и Ленина, на которые обращал внимание всех своих гостей, при этом почему-то смущенно хихикая.

В первые дни нашей стажировки Хироси активно искал пути к более тесному знакомству с советскими студентами, и во время одной из вечеринок даже подбил наших ребят на соревнование — кто больше выпьет алкоголя. Хироси продержался минут сорок. Сильно покачиваясь он удалился к себе в комнату, сопровождаемый укоризненными словами: «Хироси! Ты куда? Стакан давай!»

На следующий день Хироси никто не видел, а в дальнейшем на вечеринках при словах: «Хироси! Стакан давай!», он сразу исчезал. Потом еще долго его пугали этой русской фразой, которую он, похоже, запомнил намертво.

Я ввалился к Хироси с пятью бутылками пива, кучей каких-то чипсов и сказал: «Слушай, Хироси! Надо поговорить!» Увидев пиво, японец явно обрадовался и изобразил готовность меня выслушать.

Без прикрас я рассказал о своих безуспешных попытках попасть в секцию каратэ и попросил Хироси помочь. Японец к концу моего не очень продолжительного рассказа уже допивал третью бутылку.

Он задумался на некоторое время, а потом сказал: «Варери-сан! («л» японцы, даже русисты, не выговаривают). Я готов за тебя поручиться! Но и ты пообещай мне, что не бросишь занятий через месяц-другой!» «Обещаю, — сказал я с недоумением. — А почему так все сложно?!» «У нас в Японии так принято: без поручителя-японца с незнакомым иностранцем не будут иметь дела. Теперь

понимаешь, что я за тебя буду отвечать?» «Понимаю, понимаю!» — поспешил заверить я, пододвигая Хироси четвертую бутылку.

«Ладно! — сказал японец покровительственно. — Завтра я все узнаю и тебе расскажу».

Хироси свое слово сдержал. Уже в обеденный перерыв между занятиями он подошел ко мне и сказал, что в 5 часов вечера нас с ним будет ждать Сэнсэй.

Оказалось, что Сайто-сэнсэй в основное время работает главным менеджером магазина для студентов, в котором продавались всякие мелочи — от канцелярских товаров и книг до маек с символикой университета «Токай».

Сэнсэй принял нас в своем офисе. Среднего роста, сухощавый, лет сорока пяти, с застывшей полуулыбкой на красноватом лице и заметно припухшими веками, Сэнсэй, если честно, производил впечатление скорее завсегдатая питейных заведений, чем мастера каратэ.

Сайто-сэнсэй задал несколько коротких вопросов, сделал мне дежурный комплимент относительно знания японского языка. Он долго, правда, не мог понять, что это за стиль «Сэнэ» и классификация «красный пояс», который я себе приписал для пущей убедительности. Хироси тоже сказал что-то хорошее в мой адрес.

Немного подумав, Сэнсэй сказал:

— У нас сегодня тренировка, собственно она уже началась. Поехали! Я подвезу на машине. До-ги с собой?

— Нет, — ответил я растерянно, совершенно не ожидая столь стремительного развития событий.

— Ах, вот как? — похоже, Сэнсэй тоже был озадачен. — Хорошо. Поедем, посмотришь, а со следующего раза надо уже иметь до-ги! Тренировки, кстати, каждый день, кроме воскресенья, с 17-30 до 19-30. — При этих словах Сэнсэй испытующе посмотрел на меня. Я молча кивнул.

От студенческого магазина до будокана было езды на машине не больше минуты. Тренировка была в самом разгаре. Двенадцать молодых японцев — половина из них с черными поясами — отрабатывала базовые удары. Меня сразу удивило то, что они стояли не в ряды, а в круг, и каждый видит всех. Один из «черных поясов» — небольшой и круглолицый — зычно выкрикивал команды.

Дождавшись паузы в тренировке, Сэнсэй приблизился, получил свою порцию положенных приветствий от учеников, после чего стал их распекать за то, что удары выполняются недостаточно быстро. Все виновато кланялись и говорили «хай!».

Вдруг безо всякого перехода он показал в мою сторону и сказал: «А это студент-стажер из СССР. Его зовут... а, ну, это... ага!.. Маарэрий! Он будет с нами заниматься! Скоро сдаст экзамен на черный пояс!» — добавил он слегка язвительно.

Я произнес положенное в таких случаях «Прошу любить и жаловать!», получил в ответ сдержанные кивки, после чего как бы перестал существовать и для Сэнсэя, который поспешил уехать назад, в магазин, и для студентов-каратистов, продолживших тренировку. Вообще Сэнсэй потом появлялся в зале не чаще раза в месяц с инспекторской проверкой, остальное время тренировку вели старшие ученики.

Посмотрев немного, я тоже потихоньку ушел из зала.

Искаженный вариант моего имени — Маарэрий, несмотря на мои усилия объяснить, что мое имя произносится иначе, так и прилип ко мне на все десять месяцев занятий каратэ в университете «Токай». В сертификате о присуждении мне квалификации по стилю «Вадо-рю» фамилия написана правильно, а имя — именно так — Маарэрий... Только много времени спустя я понял, что мне лучше представляться японцам по фамилии — она абсолютно точно ложится на их фонетику, легко запоминается и практически не претерпевает искажений. А имя, как только не видоизменялось — Маарэрий, Барэри, Барирэй, Марирэй...

На следующий день в обеденный перерыв я пошел покупать спортивное кимоно — до-ги. Крошечный магазинчик для занятий боевыми искусствами находился в одном здании с кегельбаном, который украшала гигантская кегля. Буквально

боком войдя в магазинчик, я почему-то вдруг разволновался и вместо до-ги попросил показать мне до-гу, то есть оружие каратэ — нунчаки, сай, тонфа и другое. Пожилой продавец терпеливо ждал, пока я разберусь, что же мне все-таки надо. Потом спросил:

— А вы кто и откуда?

— Я студент, из СССР.

Продавец вдруг обрадовался: «О! Я был в плену в Сибири!! Меня там кормили! Я остался жив!» И стал выпаливать слова: «картоська, барана, давай-давай, копай-копай!!» После чего полез в какую-то коробку и достал до-ги: «Думаю, это Вам подойдет!»

Спортивное кимоно было из плотного хлопка, с бледно-голубым оттенком (после недели тренировок этот отлив пропал). На левой стороне куртки темно-синими нитками были вышиты в скорописном варианте три больших иероглифа — То (Восток), Кай (море), Дай (большой) — Токай Дайгаку — Университет «Токай».

«О! И надпись есть!» — произнес я. Продавец, видимо, решил, что меня это смущает. И стал объяснять, что это был такой заказ, но от него отказались, и он готов мне отдать это спортивное кимоно со скидкой и бесплатно приложить белый пояс. Покупка состоялась к обоюдному удовольствию.

Вечером, сразу после занятий в университете, я отправился на первую тренировку.

К моему приходу явно были готовы. Встретивший меня у входа в додзё студент-первокурсник, маленького роста, коротко стриженный, в кимоно с белым поясом, показал мне раздевалку и сказал, что ценные вещи я могу сдать ему на хранение, на время тренировки. Немного подумав, я положил ему в сумку свои незатейливые электронные часы. Эта сумка потом всегда стояла на лавочке в спортзале, рядом с аптечкой, и дежурный, а таковым и был встречавший меня первокурсник, отвечал за сохранность сданных вещей.

По пути в спортзал дежурный, который представился как Набэсима, коротко мне рассказал о правилах поведения, установленных в клубе каратэ. Во-первых, желательно приходить в зал раньше Сэнсэя или Сэмпая (старшего ученика). Во-

вторых, ожидать их прихода надо построившись в колонны, лицом к входу. В-третьих, вопросы можно задавать только по окончании тренировки. Я молча кивал, решив, что ничего хитрого в этих правилах нет — для начала надо больше слушать и меньше проявлять инициативы.

Похоже, что и мое место при построении в начале тренировки было предметом предварительного обсуждения и уже определено. Когда мы с Набэсимой, поклонившись, вошли в зал, маленький японец юркнул в дальнюю от центра зала колонну из пяти человек с белыми поясами, мне же жестами было показано, что надо занять место в одном ряду с обладателями коричневых поясов. Слева от меня располагался только один ряд — все с черными поясами. Позднее мне объяснили, что критерий для ранжирования один — курс, на котором учится студент, а не уровень мастерства. По моему возрасту меня должны были поставить в левый ряд — с черными поясами, но в апреле они заканчивали учебу в университете, а мне предстояло учиться почти год. Так я и попал в один ряд с третьекурсниками. Все молча и терпеливо ждали прихода Старшего ученика. Но он появился не один, а вместе с самим Сайто-Сэнсэем. Видимо, одолело его любопытство — как иностранец у них будет заниматься.

Первая тренировка оказалась тяжелой. Многократное повторение простых базовых движений под счет — например, сто прямых ударов руками (цуки) считалось легким разминочным упражнением — было непривычным и утомляющим. В «Сэнэ» удары в таких количествах никогда не практиковались, там упор больше делался на разнообразие технических приемов.

Построение в круг также не давало возможности хоть как-то перевести дух — постоянно на виду у всех, «черные пояса» внимательно смотрят за каждым движением и тут же делают замечания. Сэмпай и вовсе периодически выходит из круга и начинает править ошибки, не особенно церемонясь с первокурсниками — вплоть до грубого крика и подзатыльников.

Общий принцип тренировок был «делать через “не могу”» — считалось, что только так можно поставить правильную технику и закалить дух. Любое упражнение делалось максимально возможное количество раз — а потом еще десять—пятнадцать.

Поначалу все было непривычно. После выполнения, скажем, упражнения на отработку ударов ногами — по пятьдесят раз — следовало: «Все плохо! Медленно! Все сначала!» Вот тут-то и начинались произвольные крики «киай», без которых выполнить упражнение до конца было бы просто невозможно. Вообще, замечание «Медленно!» (по-японски «Осой!») было одним из самых ходовых во время тренировок и врезалось в память именно в таких резких, срывающихся на визг интонациях.

В конце первой тренировки Сэнсэй подошел ко мне, слегка хлопнул по плечу и сказал вполне серьезно: «Будешь терпеть и стараться — сможешь стать черным поясом!» За время тренировки Сэнсэй сделал всего лишь несколько движений — резких, концентрированных, взрывных. Но даже непосвященному становилось ясно, что этот человек с лицом добродушного любителя выпить — гораздо опаснее тех крепких, коротко стриженных не улыбочивых ребят с набитыми кулачищами, которых мне доводилось видеть в Москве.

После тренировки я дотащился до общежития, залез в душ, потом погрузился в ванну — фуру. И о чудо! — через пять минут я чувствовал себя бодрым и свежим! Оставалось только соорудить себе ужин и сесть за уроки.

Готовить ужин приходилось в тесной кухоньке, одной на пятьдесят обитателей. Меня спасало только то, что я приходил с занятий каратэ уже после того, как китайцы и филиппинцы насытились. Правда, после китайцев всегда в мойке оставались многочисленные очистки и овощные обрезки, что вызывало у меня глухое раздражение. Хуже этого мог быть только одуряющий запах, который пронизывал все общежитие и долго не выветривался, когда китайцы готовили свой знаменитый деликатес, жареную селедку.

Я стал ходить на тренировки каждый день. По воскресеньям я отсыпался, делал уроки на понедельник, играл с однокурсниками в футбол. Будний день я начинал с утренней пробежки — около трех километров по тенистым аллеям университета. После этого следовало отбывание всеобщей повинности для советских студентов — просмотр новостей в 8-30 утра и политинформация, когда каждый по очереди должен был делать обзор японских газет. Приехавший с запозданием в месяц руководитель группы строго следил за тем, чтобы все собирались вовремя, иногда ему приходилось звонить по интерфону прямо в комнату кому-нибудь из

заспавшихся студентов, и тот появлялся через минуту в конференц-зале, с мятым лицом, всклокоченный и зевающий.

В 9-30 начинались занятия, с часа до двух — перерыв на обед. Мы часто с Сергеем Ч. ходили в студенческую столовую, расположенную в том же здании, где и магазин, в котором работал Сэнсэй. Как-то раз мы шли к этой столовой, оживленно что-то обсуждая. Вдруг, как черт из коробочки, откуда-то выскочил Набэсима, замер передо мной, отвесил поклон, громко прокричал приветствие и снова исчез куда-то. Сергей корчился от смеха, и чем больше я пытался ему объяснить установки и предписания для первокурсников, обязывающих их приветствовать старших по клубу каратэ даже на улице, тем веселее ему становилось. К концу обеденного перерыва вся наша группа только и говорила о том, что Натарову японцы уже начали бить поклоны прямо на улице.

Пример Набэсимы, которого постоянно донимали замечаниями, подзатыльниками, вечно отстающего во время кроссов, но упорно не бросающего каратэ, был для меня веским аргументом: как бы тяжело ни было мне на тренировках, есть люди, кому еще труднее. Сама фамилия этого маленького японца вызывала у меня смешанные чувства: с одной стороны, это громкая самурайская фамилия, окутанная множеством легенд, что-то вроде нашего Добрыни Никитича, а с другой — «набэ» по-японски означает «кастрюля». И когда со всех сторон раздавалось: «Эй, Набэ, протри-ка пол! Эй, Набэ, надо стараться!» — я мысленно переводил его имя на русский, получалось очень забавно.

За редким исключением тренировки начинались с пробежек по территории университета. Мы переодевались в до-ги, строились в колонну по двое у входа в будокан и босиком, средним темпом бежали, издавая при этом разнообразные крики, смысл которых мне так и не удалось постичь. Бегущий впереди, как правило сэмпай, первым громко выкрикивал что-то вроде: «Сёсёрраа!», и все вместе в ответ: «Гёкудзоо!» или просто «Ээй!». По всей территории университета после занятий передвигались такие же группки бегущих дзюдоистов, футболистов, кэндоистов, легкоатлетов. Около получаса над кампусом висел непрерывный гул. Пробежки бывали укороченными и более длинными — с многочисленными ускорениями в горку и подъемом на девятый этаж одного из учебных корпусов университета, у которого вместо обычной лестницы вверх шел спиралевидный пандус. С площадки на крыше этого корпуса в ясную погоду открывался

прекрасный вид на гору Фудзи, но подъем на нее сопровождался разнообразными упражнениями — прыжками на одной ноге, на двух, гусиным шагом, ускорениями — наверху было уже не до красот. Мысли были заняты только тем, как бы до конца отстоять последующую тренировку в зале.

Примерно раз в три месяца в спортзале появлялся седовласый японец лет пятидесяти, довольно крепкого телосложения, с живыми карими глазами. Его встречали с невероятной помпой: построение происходило не в зале, а у входа в будокан, сэмпай буквально на полусогнутых ногах бежал навстречу, почтительно брал из его рук сумку, провожал в раздевалку. Это был Оцука, сын основателя стиля «Вадо-рю». Позднее, после смерти отца, он стал во главе этого стиля каратэ, и его стали называть Оцука Второй. Тогда к нему было принято обращаться Оцука-Сихан. Как мне объяснили японцы-каратисты, Сихан, в отличие от Сэнсэя, курирует несколько клубов и входит в руководство стиля.

Тренировки Оцука-Сихана я очень любил: они не были физически тяжелыми, большой упор делался на разъяснения и разучивание новой техники.

У Оцука-Сихана была очень понятная, простая, но вместе с тем образная речь. Он любил, чтобы к его тренировке были подготовлены школьная доска и мел. В середине тренировки обязательно следовало лирическое, а если точнее — «физическое» отступление с черчением на доске человеческих фигурок, расклада сил при выполнении тех или иных ударов, смещения центра тяжести. Однажды Оцука, желая продемонстрировать пример важности скорости нанесения удара, попытался написать даже формулу импульса силы: mv деленное пополам. Пристально посмотрел на написанное, явно понимая, что чего-то в формуле не хватает. «Что-то не то!» — сказал он без тени смущения. «Кто поможет?» Японцы потупили глаза, а я вылез вперед доказывая, что советское образование — лучшее в мире, и написал над значком скорости маленькую двойку — скорость в квадрате.

«О! Точно! Молодец!» — обрадовался Оцука и продолжил объяснения. Этот эпизод поразил японцев-каратистов — больше всего не тем, что я знаю простейшие физические формулы, а тем, что вылез и поправил самого Оцуку.

«Но он ведь сам просил! Сихан — мне друг, но истина дороже!» — отшучивался я, когда японцы во время очередных посиделок непременно вспоминали этот случай.

Именно благодаря Оцука у меня пробудился интерес к ката — комплексам формальных упражнений. Его показ скрытой техники каратэ, зашифрованной в тех или иных движениях, был убедительным. Становилось понятным, что это не просто балет или танцы, а серьезное боевое искусство с возможностями практического применения. «Ката — это ДНК каратэ, — говорил Оцука-Сихан. — Раньше не было кино и видео, а техника каратэ сохранялась и передавалась от поколения к поколению — благодаря ката».

Оцука всегда присутствовал и на экзаменах на ученические разряды — кю, которые проходили непосредственно в нашем зале. Основное внимание уделялось качеству выполнения техники, поэтому по количеству разрядов было не так много. Когда я рассказывал потом об этом в Москве нашим каратистам — не верили!

На первом экзамене, который прошел в конце ноября как-то буднично, как часть обычной ежедневной тренировки, мне присвоили 5 кю-дзё. Как выяснилось, внутри каждого ученического разряда — кю предусмотрено дробное деление: «гэ» — низший, «тю» — средний и «дзё» — высший. «Ты почти четвертый кю! — сказал мне сэмпай по окончании тренировки. — Старайся! До черного пояса — всего четыре шага!»

— И какой я теперь пояс? — спросил я.

— Белый по-прежнему, но официально аттестованный! — засмеялся Сэмпай, присаживаясь на лавочку в раздевалке и закуривая. Практически все японцы-каратисты курили и с удовольствием затягивались сразу по окончании тренировки, прямо в раздевалке, еще не переодевшись и с блестящими от пота лицами. Мало того что я был единственный иностранец в этом клубе, я еще и не курил. — У нас в «Вадо-рю» есть только белые пояса начиная от 9 кю и до 3, с 3 по 1 включительно — коричневый, ну а потом — черный! Ты сейчас поднимаешься вверх по ступенькам кю, и у тебя уже позади ступени с 9 по 5, впереди — с 4 по 1.

— А в черном поясе — тоже ступени?

— Да! — снова рассмеялся Сэмпай, в душе, видимо, потешаясь над моей неосведомленностью. Сначала идет первый, но уже не кю, а дан — мастерская степень, потом второй...

— А, понятно! Спасибо!

— Старайся! — вновь повторил Сэмпай. — Кстати, у нас в середине января будет Кангэйко. Ты будешь участвовать?

— А что это — Кангэйко?

— Ну это зимой будем кроссы бегать, закаляться.

— Обязательно! — ответил я, про себя думая: «Эка невидаль — зимой кроссы бегать! Мы с Сергеем в минус 20 «десятку» пробежали — и ничего!»

Наступил январь. Бурно встречен Новый 1983 год. Позади неприятные и досадные моменты, когда местная полиция в ноябре — в день смерти Брежнева — пыталась останавливать советских студентов прямо у общежития, якобы для проверки документов. Задавались бесцеремонные вопросы: что мы думаем по поводу событий в СССР. Уже снится Москва, а письма, приходящие от родных и друзей раз в неделю, становятся все более долгожданным и радостным событием.

Тренировки в спортзале шли своим чередом. Отношение ко мне со стороны японцев было ровным. Со мной здоровались, обменивались дежурными фразами — и не более того. Не было враждебности, но и дружеских проявлений — тоже. Дистанция, несмотря на уже три месяца ежедневных совместных занятий каратэ, между японцами и иностранцем не сокращалась.

Первые заметные проблески дружелюбия появились в ходе упомянутого Сэмпаем Кангэйко. Я после того разговора не поленился залезть в словарь и узнать, что «кангэйко» переводится как «тренировка холодом» или как вариант — «тренировка на холоде».

В середине января, в субботу, в конце одной из тренировок Сэмпай объявил: «Со следующего понедельника по пятницу — Кангэйко! Сбор в 6 утра». И все японцы-каратисты при этих словах поежились, как будто им уже холодно.

Зима в Японии по нашим российским меркам весьма комфортное время года. Температура в окрестностях Токио обычно редко опускается ниже 5 градусов, днем сухо и солнечно. Но удивительное дело — стоит солнцу уйти, как становится очень неприятно: дует порывистый ветер, холод буквально пробирает до костей.

В 6 утра эти ощущения усиливаются недосыпом и памятью тела о теплой постели, из которой ты себя выдернул невероятным усилием воли. Это состояние длилось целых шесть дней подряд. Наконец-то последний выход на Кангэйко.

В 5-45 зазвонил будильник. Мой сосед по комнате Сергей недовольно засопел и заворочался. Я оделся впотьмах, нащупал приготовленную с вечера сумку с до-ги и выбрел в коридор. Около туалета, единственного на этаже, наталкиваюсь на фигуру в пижаме: наш руководитель группы. «Ты куда?» — ошарашено спросил он.

«Не спится что-то! Пойду потренируюсь», — ответил я, с трудом подавив зевок. «Ну ты фанатик просто!» — услышал я в спину.

На улице зябко. Темно. Добрел до спортзала. Переоделся в до-ги. Сегодня я пришел первым. А вот и японцы — все они входят в спортзал, поеживаясь, вжав голову в плечи и растопырив руки так, что становятся похожими на пингвинов. И все уже шестой день подряд произносят только одно слово: «Самуй!» — «Холодно!». Сегодня почему-то нет двух первокурсников — Набэсимы и парня по прозвищу Арикуй — Муравьед. Он и правда в профиль чем-то напоминал это животное.

Началась разминка, очень неспешная, плавная. Удары обозначались вполсилы, их количество небольшое. «А теперь — футбол!» — вдруг скомандовал Сэмпай. Мы начали катать большой набивной мяч, разделившись шесть на шесть. При отборе мяча разрешалось обозначать удары ногами, но бить не в полную силу и концентрировано, а дурачась, неопасно, для веселья. Минут через пятнадцать такой возни сонливость окончательно прошла, и даже проступил пот.

«Все! А теперь — на улицу! Побежали!» — закричал Сэмпай. Мы построились по двое и босиком побежали по проезжей части в сторону соседнего городка Хадано, расположенного в четырех километрах от университета. В отличие от дневных пробежек, передвигались молча. Дорога извилистая, с заметными перепадами высот — вверх-вниз. Пятки ощущают холод, но это скорее добавляет куража, чем беспокоит. Замечаю, что по гладкой разделительной полосе бежать куда комфортнее, чем просто по асфальту. Постепенно становится светлее, уже видны очертания горы Фудзи с большой белой шапкой снега на вершине. А вот и солнце! Никогда не думал, что буду когда-либо встречать восход солнца на бегу, да еще в Японии!

Добежали до города Хадано, развернулись. «А теперь — наперегонки!» — неожиданно закричал Сэмпай, и я тут же вырвался вперед.

Первым добежал до ворот будокана, поднялся по каменным ступенькам и невольно сбавил скорость. Набэ и Арикуй вырыли сбоку от будокана на полянке небольшую ямку и развели в ней костер, который уже успел хорошо прогореть и дать угли. В углях уже лежало что-то, завернутое в фольгу. Вокруг ямы с костром первокурсники соорудили настил из досок. Стало понятно, что от сегодняшней тренировки их освободили не просто так, и им пришлось попотеть не меньше других. Набэ замахал мне рукой, подзывая к костру. Я встал на доски, протягивая то одну, то другую пятку в сторону огня. «А что там, в фольге?» — спросил я. «Это батат, очень сладкий!» — радостно сообщил Арикуй.

Остальные каратисты подтянулись к костру в течение пяти минут.

Все живо обсуждали, как быстро бегают иностранцы: «Наверное, потому, что у них ноги длиннее». Один японец даже припомнил, что я, пробегая мимо него, якобы крикнул «догоняй!». Я не стал с ним спорить.

Мы стояли вокруг костра, грели пятки, ели батат. И тут я почувствовал, что меня потихоньку начинают принимать в свой круг: со мной стали шутить, что-то мне рассказывать, спрашивать. Это еще трудно было назвать дружбой, но общение становилось явно неформальным, и дистанция, установленная японцами в отношениях со мной, постепенно начала сокращаться.

И как бы в подтверждение моих мыслей один из третьекурсников — здоровый парень по фамилии Ода крикнул: «Маарэрий! Мы все идем в фуру! Пошли!»

Рядом с раздевалкой находились помещения со стиральными машинами, душами и фуру. Была и сауна, но она запиралась, и ей пользовались только дзюдоисты. Фуру при спортзале отличалось от того, что имелось в общежитии — выложенного кафелем, с современной системой поддержания температуры воды. Фуру при спортзале являло собой большую железную квадратную емкость, высотой около метра и размерами два на два метра. Горячая вода заливалась при помощи обычного шланга.

В это фуру мы, предварительно помывшись в душе, набились сразу, чуть ли не всем каратистским клубом. Из железной бочки над поверхностью воды торчали десяток черноволосых голов и одна русая.

На просмотр утренних новостей я появился, пыша жаром и здоровьем, и мое розовое и свежее лицо разительно отличалось от не проспавшихся и слегка помятых лиц других советских студентов.

Тренировки вошли в свое обычное русло. Приходить в спортзал стало гораздо приятнее: после Кангэйко на мое появление стали приветливо реагировать все — не только Набэ, но и «черные пояса». С третьекурсниками — безобидным здоровяком Одой, шустрым Ёсукэ и тщедушным Такэдой — отношения вообще стали приятельскими. Мы постоянно обменивались шутками, японцы стали чаще спрашивать меня о жизни за «железным занавесом». Реакция на словосочетание «Советский Союз» была у всех примерно одинаковая: «Мрачная страна, ядерные ракеты, угрюмые люди». Видимо, желая сделать мне комплимент, мои «однокурсники» подчас говорили: «Может, ты не советский? И не мрачный вовсе — даже наоборот, веселый и улыбочивый!» Оставалось еще шире улыбаться и говорить: «Да у нас все такие!» и тут же видеть ответные улыбки, полные скепсиса. Честно говоря, мне быстро надоело убеждать японцев в чем-либо: в конце концов, я такой, какой есть, учу японский, занимаюсь каратэ, думайте что хотите. Мне кажется, что японцам в клубе каратэ где-то импонировала моя сдержанная манера поведения: я был корректен со всеми, но в друзья ни к кому не набивался, без острой необходимости вопросов не задавал. Что касалось тренировок и техники каратэ, то японцы без усилий с моей стороны рассказывали

и показывали все, что меня интересовало. Движения ката буквально вытачивались: меня останавливали после каждого движения, правили технику до мельчайших нюансов — скорость поворота головы, направление взгляда, чуть ли не положение мизинцев рук и ног. И так каждый день — начиная от простейшей базовой техники до техники кумитэ — постоянный контроль и корректировки со стороны «черных поясов», всегда находившихся рядом — слева, справа и передо мной.

Однажды на тренировке появился японец лет тридцати пяти — довольно крепкий, в хорошо выглаженном до-ги с потертым черным поясом. Он был небрит: неопрятная недельная щетина резко контрастировала с его аккуратной одеждой. Взгляд у японца был колючий, холодный. На куртке его до-ги я прочитал фамилию Маэда.

Маэде отбили положенные поклоны. Он медленно встал — осмотрел всех, что-то спросил у сэмпая, бросив взгляд в мою сторону удовлетворенно хмыкнул. Потом выяснилось, что Маэда поинтересовался, понимаю ли я по-японски.

После этого он провел тренировку — самую тяжелую тренировку, которую мне пришлось испытать на себе в этом додзё. Маэда был на взводе, он кричал, что все мы делаем плохо, медленно, заставлял все начинать сначала, подсказывал каждому и сверлил злобным взглядом — в общем, нагнал страху. Сам он за это время не выполнил ни одного движения. Я уже начал скептически думать: орать-то все мастера, а что сам-то умеешь? Как бы прочитав мои мысли, Маэда вытащил на середину зала здоровяка Оду и показал на нем пару комбинаций для свободного поединка — кумитэ. Мой скепсис в момент улетучился. Оказалось, что Маэда в то время носил титул чемпиона мира и неоднократного победителя всеяпонских чемпионатов по стилю «Вадо-рю». У него был свой спортзал — в десяти минутах езды на поезде от университета. Ода и Ёсукэ, которым довелось там побывать, рассказывали, что у Маэды не тренировки, а сущий ад.

По окончании тренировки ко мне подошел Ёсукэ.

— Ну как, устал? — спросил он.

— Еще как! Ноги не двигаются!

— Это что! Скоро гассюку — вот где будет тяжело!

— А что это, гассюку? И как скоро?

— Ну это тренировки — их много — в течение всего дня. А будут в конце марта — всю неделю во время весенних каникул. Да, кстати, вот уже и расписание есть. Держи.

И Ёсукэ протянул мне листок. На нем было написано, что гассюку (по смысловому значению иероглифов я понял, что это дословно «совместное проживание», или «сборы») пройдут с 27 марта по 2 апреля включительно, и на каждый день запланировано по три тренировки.

Место проведения — университет «Токай».

Жить предстояло в отдельном двухэтажном корпусе, расположенном на противоположной от моего общежития стороне кампуса, сразу за воротами. «Так, надо отпрашиваться у отца-руководителя! А ведь может не отпустить — пусть рядом, но без надзора на целую неделю!» — подумал я. А Ёсукэ сказал: «Да! Жаль, что в этот раз гассюку в университете! Обычно мы едем к океану!»

«Э! — подумал я. — Да мне еще, оказывается, повезло! Кто бы меня отпустил одного на неделю? С посольством, наверно, стал бы наш руководитель согласовывать. А у них там ответ известный: «Нельзя! Коварный враг не дремлет! Вас сюда учиться направили, а не каратэ заниматься!»

Но наш руководитель на удивление легко отпустил меня на неделю, уточнив только месторасположение корпуса, в котором я буду находиться.

26 марта вечером я собрал нехитрые пожитки в сумку, в том числе до-ги, спортивный костюм и кроссовки, прихватил несколько аудиокассет с последними хитами и выдвинулся на гассюку. В клубе каратэ считалось модным передвигаться по кампусу медленно, чинно, с отрешенным взглядом, даже шустрый Ёсукэ взял на вооружение эту манеру, и за спиной раздавалось благоговейное перешептывание: «Это каратист!» Но я никак не мог понять прелестей такого чинного перемещения в пространстве, поэтому пересек территорию кампуса своей обычной быстрой, слегка подпрыгивающей походкой.

Подойдя к искомому корпусу, я притормозил, ища глазами вход, и тут из окна второго этажа раздался голос Ёсукэ: «Маарэрий! Поднимайся! Наша комната здесь!»

Корпус отдаленно напоминал общежитие, из которого я пять минут назад вышел. На первом этаже находились фуру, туалет, а в коридоре стояла доска для объявлений, где уже красовалось расписание нашего гассюку. Комната оказалась небольшой —метров двенадцать, а жить мы должны были восьмером. Матрацы уже лежали на полу — в два ряда по четыре, практически закрывая собой всю площадь татами. Подушки лежали таким образом, что спать предстояло голова к голове, почти доставая ногами стены. В углу у окна оставалось немного места, куда Ёсукэ поставил маленький магнитофон. Я занял матрац посередине.

— Ёсукэ! Я принес несколько кассет с хитами!— сказал я.

— О! Давай!

Ёсукэ равнодушно слушал кассету. Подошли остальные, расселись на матрацы. В это время заиграла композиция «I love corrida» — вовсе не хит сезона, странным образом записанная в конце кассеты. Японцы вдруг оживились, стали на все лады подпевать: «Ай рабу корридаа!» Только песня закончилась, все стали просить Ёсукэ поставить ее сначала. Потом еще и еще. И так случилось, что всю неделю в свободное время японцы включали только эту композицию. Остальные кассеты так ни разу и не попали в магнитофон.

В шесть утра нас разбудили громким стуком в дверь. Первая тренировка — разминочная, в спортивном костюме. Мы построились по двое напротив корпуса. После нескольких минут ожидания появился Сэнсэй в сопровождении еще нескольких незнакомых мне японцев в возрасте от 30 до 50 лет.

Стоявший рядом со мной здоровяк Ода прокомментировал: «Это old boys, или сокращенно — Оу-Би, ветераны клуба. Они приезжают на гассюку понаблюдать, ну и вспомнить молодость».

По лицам ветеранов было видно, что прошлый вечер был посвящен воспоминаниям, и выпито при этом было немало. Ни один из «старых мальчиков» не был в спортивном костюме.

Сэнсэй сказал какие-то приличествующие случаю слова, призвал проявить бодрость духа, и мы под руководством сэмпая побежали трусцой. Утренняя тренировка была целиком легкоатлетической: после 30-минутного кросса с уже привычным подъемом на девятый этаж одного из учебных корпусов мы переместились на стадион, где сначала бегали ускорения, а потом начали делать упражнения на пресс и отжиматься на кулаках. В режиме обычной тренировки мы отжимались где-то по 40—50 раз. Здесь же после выполнения привычного числа отжиманий последовала команда: «Еще десять раз!», а потом еще десять, и еще, пока мы, уже крича и извиваясь, не сделали-таки сто отжиманий! Никогда не думал, что когда-нибудь смогу это сделать, и более того, уже много позже, будучи в неплохой форме, я так и не смог повторить такое количество отжиманий подряд. К концу «разминочной» тренировки моя майка была мокрой насквозь.

Наскоро умывшись и переодевшись, мы пошли в небольшую столовую, арендованную для нас на всю неделю сборов. За столами с нехитрой едой в японском стиле разместились строго по ранжиру. Я с третьекурсниками встал рядом с указанным нам столом. За соседним столом — второкурсники, чуть поодаль, ближе к выходу — первокурсники. Один стол был накрыт с большим вкусом и разнообразием — ожидали прихода Сэнсэя и «ветеранов». Наконец они появились в дверном проеме, и вместе с ними — все также небритый Маэда. По команде сэмпая мы отвесили поклон входящим, подождали, пока они чинно рассядутся, затем сели сами. Несколько минут сидели молча, никто не притрагивался к еде. Сэнсэй сидел, выпрямив спину, закрыв глаза. Все терпеливо ждали. И вот Сэнсэй открыл глаза, неспешно взял палочки и скомандовал: «Угощайтесь!»

Ода тут же схватил палочки и жадно заработал ими, придвинув прямо ко рту чашку с рисом. Я, еще не пришедший в себя после утренней тренировки, ел вяло. «Ты что, Маарерий! На завтрак дается десять минут! Поспеш!» — быстро проговорил Ода, и устремился к большому чану с рисом, из которого можно было накладывать добавку сколько угодно. Остальные японцы не отставали от Оды и то и дело подкладывали себе рис. И действительно, ровно через десять минут по команде Сэнсэя завтрак закончился. Вновь вставание. Поклоны уходящим первыми Сэнсэю и его свите.

С двенадцати до двух — дневная тренировка, уже в спортзале. Базовая техника. Сотни повторений одних и тех же движений на месте и в передвижении. Крики «Медленно! Плохо! Сначала!» висят над спортзалом густым туманом. На столике рядом с аптечкой большая фляга с тонизирующей водой «Rocky sweat».

К концу тренировки от пота промокло не только до-ги, но и пояс.

Обед прошел с тем же ритуалом, что и завтрак. Правда, времени на еду — минут двадцать. С трех до пяти — отдых. Лег на свой матрас и тут же заснул под звуки «Ай рабу коррида» — это хорохорился Ёсукэ.

К пяти часам снова в спортзал. Мышцы уже слегка побаливают, и в голове дурнота после дневного сна. После интенсивной разминки мышцы опять становятся эластичными, сон выветривается. Вечерняя тренировка — самая длинная, два с половиной часа. Много работы в парах, подготовка к кумитэ, шлифовка ката.

Ужин, принятие фуру. Наконец можно прилечь и расслабиться. За стеной слышен шум — оказывается «ветераны» поселились рядом с нами. Вошел Ёсукэ, видно, тоже устал. Раздал всем какие-то тетрадки, мне тоже.

— Маарерий! Здесь надо каждый вечер писать свои впечатления о прошедшем дне тренировок и что ты планируешь для себя на следующий день!

Вот, подумал я, угораздило же меня! Мало того, что каждую неделю пишу на занятиях всякие сочинения, еще и в каникулы пиши!

Благоразумно сделал паузу и посмотрел через плечо в тетрадь Оды: «Мне Сэнсэй сказал сегодня: надо резче бить удар маэ-гэри! Спасибо Сэнсэю за замечание, завтра я уделю этому удару особое внимание. Осс!»

Уловив общую идею, я под одобрительные возгласы: «Смотри-ка, Маарерий иероглифы пишет!» написал нечто подобное, разбавив эмоциями: «Я рад тому, что могу принимать участие в гассюку и всем спасибо — в первую очередь Сэнсэю, да и «ветеранам» тоже. Осс!»

Ёсукэ собрал у нас тетрадки и отнес в соседнюю комнату. Через минуту оттуда послышался здоровый гогот «ветеранов». Есукэ вернулся еще более сумрачный,

в руках у него был список, озаглавленный «Гоёкики» — дословно «Исполнение пожеланий».

— Маарерий! — сказал Ёсукэ. — Ты иностранец, и мы решили тебя в этот список не включать. Это список дежурств — выполнение разных поручений «ветеранов» — ну сбегать за сигаретами там, пиво купить.

— Сегодня дежурит Арикуй! — громко объявил Ёсукэ. Арикуй хотя и был первокурсником, но ему досталось место в комнате третьекурсников и у него не было возможности даже на минуту сбросить с себя маску почтительности и забитости.

К одиннадцати стали готовиться ко сну. Ода курил в своем углу, Арикуй перематывал кассету и вновь ставил «Корриду», Такада чистил ниткой зубы, а Ёсукэ достал какой-то флакон с мутно-зеленой жидкостью и стал ожесточенно втирать ее в жесткие густые волосы. Поймав мой вопросительный взгляд, Ёсукэ сказал: «А ты не пользуешься жидкостью для укрепления волос?» Я отрицательно мотнул головой. Тогда в Москве о таких штуковинах мало кому было известно, а в продаже их и вовсе не было. Ёсукэ протянул флакон мне: «Попробуй!» Я накапал себе на голову эту жидкость, как показал Ёсукэ, и тут же почувствовал приятное жжение. Появилось чувство бодрости.

Легли спать. Где-то через час раздались глухие удары в стену из соседней комнаты. Арикуй медленно поднялся, натянул тренировочные штаны и майку. Он вернулся минут через двадцать. «Ну что?» — шепотом спросил его Ёсукэ. «За сигаретами и пивом ходил», — ответил Арикуй, вновь устраиваясь спать. Но не успел он лечь, как снова раздались удары в стену. На этот раз Арикуй вернулся почти сразу. «Маарерий! — позвал он. — Ветераны зовут тебя к ним в комнату!» «Ладно», — ответил я и нехотя оделся. Зайдя в соседнюю комнату, я обнаружил группу «ветеранов» во главе с Сэнсэем за низеньким столиком. Японцы полулежали на татами в непринужденных позах. Стол был уставлен бутылками и стаканами. Над столом висело сизое облако сигаретного дыма. Мне приветливо замахали руками, призывая присесть к столу.

Рядом со мной оказался небритый Маэда. Он был настроен добродушно, улыбался, хлопнул меня по плечу и налил мне большой стакан виски — неразбавленный, до краев.

«Извини, водки нет! Вы, русские, говорят, стаканами пьете! Давай!» Где-то на мгновение мелькнуло искушение повторить подвиг известного литературного персонажа и выпить, а потом сказать: «После первой не закусываю!» Но вместо этого я поставил стакан, сказав, что русские бывают разные, я, например, водку не люблю, а когда занимаюсь спортом — вообще не пью. На лицах у японцев было написано удивление.

«Ты — странный русский! — произнес самый молодой из них, представившийся как Судзуки. — А по-японски хорошо говоришь!» И все разом закивали, подливая друг другу пиво.

Маэда ткнул пальцем в Судзуки и сказал: «Вот он — очень сильный! Он в этом году стал чемпионом Японии!» Судзуки смущенно засмеялся. Выяснилось, что Судзуки всего несколько лет назад закончил «Токай», но каратэ не бросил, как это делает большинство выпускников, и даже добился больших успехов в каратэ, параллельно делая карьеру в вертолетостроительной компании.

На меня обрушился град вопросов: а сколько тебе лет? как давно занимаешься каратэ? а кем будешь по окончании университета? приедешь ли потом в Японию? не военный ли твой отец? Потом достали мою тетрадку и громко зачитали вслух мои впечатления о тренировке, деланно восхищаясь моими иероглифическими навыками.

Через какое-то время я почувствовал, что засыпаю прямо за столом. То ли японцы это заметили, то ли им развлечение «беседы с иностранцем» поднадоело, но меня вежливо выпроводили спать, чему я был только рад. На прощанье Маэда сунул мне в руки непочатый стакан виски. «Держи! Вдруг передумаешь и захочешь выпить перед сном!»

Я ввалился к себе в комнату, пристроил куда-то в угол злополучный стакан и повалился спать. И вновь меня посетил образ крепкого духом советского персонажа, которому немцы выдали, восхищенные его мужеством, краюху хлеба. Было три часа ночи.

Следующий день прошел как в тумане. Спас дневной сон.

Интенсивность тренировок явно возросла. После четвертого дня тренировок я понял, что у меня не осталось сил даже дойти до спортзала. Японцы стонали, но двигались в сторону зала. Моя походка из быстрой и пружинистой превратилась в медленную и торжественную.

Музыку в перерывах никто уже не включал, разговоры тоже практически прекратились. «Слушай, Ёсукэ! А зачем это все нужно? — не выдержав, спросил я. — Такие колоссальные перегрузки разве полезны?»

«Понимаешь, когда это закончится, и ты восстановишь силы, ты увидишь, насколько велик прогресс в твоём каратэ. Но и это не самое главное. Ты поймешь, что способен преодолевать себя, быть сильнее обстоятельств, и когда в твоей жизни возникнут серьезные испытания, ты вспомнишь, как тебе было трудно на гассюку, но ты выдержал, и тебе это поможет!»

Я тогда не очень поверил словам Ёсукэ, но сейчас, по прошествии лет, полностью убедился в правоте японца.

На пятый день вместо дневного сна, я дошел до нашего общежития. Как странно было видеть скучающие лица советских однокурсников, лениво потягивающих пиво и бесконечно смотрящих телевизор! «О! Привет! Что-то ты похудел! — приветствовали они меня. — Кстати, хорошо что зашел. Нам завтра надо днем ехать в муниципалитет продлевать вид на жительство».

Тут-то меня и посетила мысль: а не пропустить ли под это дело дневную тренировку завтра? Отдохнуть, ведь пятый день уже, сил никаких не осталось!

Придя назад, я сказал японцам, что завтра днем мне надо ехать в муниципалитет. «То есть на дневную тренировку ты не придешь?» — сказал Ёсукэ, а Ода только хмыкнул. Я промолчал.

Процедура в муниципалитете города Хирацука, что в двадцати минутах езды на автобусе от университета, несколько затянулась. В университет я вернулся без десяти пять. Меня одолевали сомнения: был повод не ходить на тренировку, но если поторопиться, я вполне мог взять до-ги и появиться вовремя. Первый вариант казался очень соблазнительным. Но ноги сами принесли меня сначала за до-ги, а потом и в спортзал. Было три минуты шестого. Сэнсэй еще не появился, и

все стояли в рядах, как обычно. Мое место никто не занял. Когда я вошел, японцы оживились: «Пришел, пришел!» — раздались радостные голоса. «Ты молодец! — воскликнул Ёсукэ. — Мы думали, ты больше не появишься». Мне сразу стало как-то легко, и я подумал, что сделал правильный выбор.

Зато на вечерней тренировке мне досталось. Последние полчаса, когда уже никто толком не мог передвигаться, здоровый, как трактор, двадцативосьмилетний «ветеран» Осима, неоднократный чемпион Восточного побережья среди студентов (есть и такой чемпионат), решил преподать нам уроки кумитэ. Сначала он поиграл, как кот с мышкой, с маленьким Набэсимой, потом еще с несколькими второкурсниками. И вот он посмотрел на меня.

Видимо, Осиме не очень понравилось, что иностранец, да еще с белым поясом, машет перед его носом ногами. Японец явно рассвирепел и в одной из контратак попал мне кулаком прямо по переносице, отправив меня в нокаунт: я упал, тут же вскочил, но было нестерпимо больно, так что я снова сел на татами.

Нос распух и болел, шестой день тренировок дался мне непросто.

После этого эпизода Осима стал демонстрировать знаки дружеского расположения, персонально правил мне технику ударов, попутно разъясняя пагубность ведения поединка в стиле «Сэнэ» — с прыжками и обилием ударов ногами. Собственно, более наглядно чем поймать меня на контратаке ударом руки в нос, вряд ли можно было объяснить уязвимость избранной мною тактики поединка.

И вот настал последний день гассюку. Последняя тренировка. Пять часов вечера. Бреду к спортзалу. Ни эмоций, ни сил — ничего.

У входа в спортзал стоят Ода и Ёсукэ. Радостно улыбаются. «Маарерий! Сюрприз! Вместо последней тренировки идем в боулинг — в тот, где большая кегля на крыше!»

От радости я аж подпрыгнул. И откуда силы взялись!

«Ура! Пошли!» Остальные, оказывается, уже ушли в боулинг.

— Да, Маарерий! В восемь сегодня гуляем по случаю окончания гассюку, в ресторанчике рядом с кафе «Вольво». Не опаздывай! — сказал Ода.

— Хорошо! Обязательно!

— Да, кстати, Маарерий! Хотел тебя спросить — что ты выкрикивал, когда нас после 50 отжиманий заставили делать все заново?

— Да так, русские слова, — уклончиво ответил я, вспомнив, что только с помощью русских непечатных слов я смог выполнить еще 50 отжиманий.

В боулинге было оживленно, там собрались только студенты: Сэнсэй со свитой, похоже, готовились к вечерней программе. Покатав в свое удовольствие шары где-то в течение часа, мы разошлись, предвкушая веселую вечернюю попойку.

В китайском ресторанчике, в котором мы собрались, было много невероятно вкусной еды и пива. Ёсукэ как самого шустрого поставили к микрофону вести праздник. Атмосфера была полностью противоположна той, что была во время угрюмых трапез в ходе гассюку. Все сидели за столами вперемешку — первокурсники, «ветераны». Подливали друг другу пива, благодарили за гассюку. Ода ткнул меня в бок:

— Маарерий! Держи пиво, иди, налей Сэнсею, поблагодари его!

Взяв бутылку, я подсел к Сэнсэю.

— Сэнсэй! Позвольте Вам налить пива?

— О! Маарерий! Молодец! Знаешь японские традиции!

Сэнсэй поднял двумя руками пустой стакан, подождал, пока я наполню его пивом до краев, потом, немного отпив, взял из моих рук бутылку и налил мне. После этого мы чокнулись, и я сказал слова благодарности. Процедура мне понравилась, и я стал перемещаться от «ветерана» к «ветерану», потом подлил Набэ и Арикую.

Позже начались песнопения. Меня тоже вытащили к микрофону, и я а капелла исполнил «Пусть бегут неуклюже...» Японцы хлопали в такт, а Ёсукэ даже попытался изобразить присядку.

По окончании общего веселья мы с Ёсукэ и Одой зашли в соседний бар, выпили по джин-тонику. Вышли из бара в обнимку, громко разговаривая и нахваливая друг друга: мы — отличные ребята, мы одолели гассюку...

Вернувшись в общежитие, я рухнул на кровать и проснулся только в полдень. В последний день весенних каникул ласково светило солнышко, было тепло и сухо. Наши собрались играть на полянке в футбол с болгарами. Растолкали и меня. Я с огромным трудом добрал до поляны, молча встал в ворота и тут понял, что не хочу двигаться. Я честно предупредил своих, что если мяч будет лететь в меня, я его, пожалуй, отобью, если рядом с ногой — даже не пошевелюсь — пусть влетает в ворота! Простояв таким пугалом полчаса и пропустив три мяча, я снова пошел спать.

Окончательно я пришел в себя за неделю: как раз был объявлен перерыв в тренировках. На первом занятии после гассюку я почувствовал, что Ёсукэ был абсолютно прав: качество выполнения техники каратэ заметно улучшилось, движения стали естественнее, свободнее и в то же время — резче и концентрированнее. На состоявшихся вскоре экзаменах я получил коричневый пояс — второй кю. С апреля в университете начался новый учебный год, мои друзья-каратисты и я стали самыми старшими в клубе каратэ и теперь на построениях занимали первый ряд. Пришедшие в клуб новички демонстрировали нам признаки почтительности и громко с поклонами здоровались при встречах на улице.

В последующие два месяца — с середины апреля по середину июня — мы тренировались в ставшем для меня привычным ежедневном режиме. Моя техника день ото дня улучшалась. Более того, я стал замечать, что мне не хватает шести занятий в неделю, и добавил к ежедневным утренним пробежкам воскресный кросс, а также самостоятельную тренировку по каратэ.

В воскресенье я выбегал часов в девять утра и по тропинке вдоль речушки Канамэ за сорок минут добежал до известного среди советских студентов магазина уцененных товаров «Дайкума», что примерно в восьми километрах от университета. Потом возвращался назад, и на поляне рядом с Будоканом делал ката и отрабатывал удары по макиваре. Иногда я спускался в тренировочный зал, где можно было поколотить по всевозможным грушам и мешкам. К полудню я

возвращался в общежитие — его обитатели только начинали пробуждаться после субботних вечеринок — и вливался в обычную студенческую жизнь.

В середине июня, буквально в один и тот же день, в моей токайской жизни произошли два знаменательных события. На очередном занятии по японской устной речи преподаватель Исии-Сэнсэй сказала:

«25 июня состоится очередной ежегодный Всеяпонский конкурс японского языка для иностранцев. До отборочного тура допускаются все желающие иностранцы, проживающие в Японии не более трех лет. В финальную часть выходит пятнадцать человек, которые по очереди должны выступить с пятиминутной речью на японском языке перед аудиторией в две тысячи человек. Финал конкурса будет транслироваться на всю Японию. Организаторы — МИД Японии, телевидение Эн-Эйч-Кей, газета «Асахи». Я понимаю, что вам очень трудно конкурировать с теми, кто работает и учится в Японии два или три года, но я рекомендовала бы попробовать...»

Исии-Сэнсэй назвала фамилии трех наших студентов, в том числе и мою.

Я был удивлен. Дело в том, что за месяц до этого прошел подобный конкурс на лучшую речь на японском, но в рамках университета «Токай». Я, по моим понятиям, выступил там средненько, хотя все отметили необычный заголовок и тему. Моя речь называлась «Начинающим — поклон!», где я рассказывал о своих впечатлениях от занятий каратэ, делая особый упор на взаимоотношения между старшими и младшими, отдавая должное терпеливости последних.

В выступлении я делал вывод, что младшие, вытерпев отпущенные на их долю испытания, через пару лет, став старшими, будут отыгрываться на младших, подвергая их точно таким же испытаниям: пинкам и подзатыльникам во время тренировок, дежурствам «Чего изволите?» во время сборов. Речь заканчивалась ехидной фразой: «История повторяется, не правда ли?»

Оставив нас троих в аудитории, Исии-Сэнсэй сказала: «Вам надо будет через три дня отправить на отборочный тур конкурса письменный вариант своего выступления, аудиозапись, анкету и фотографию. Если вы пройдете в финальную часть конкурса, я буду заниматься с вами дополнительно: вы все довольно скованно держитесь у микрофона».

Как водится, я оставил подготовку к отборочному туру на последний вечер. Вернувшись с тренировки, я сначала старательно переписал текст выступления на специально разлинованные листы для письма иероглифами — гэнкоёси. Получилось восемь листов. Потом я стал начитывать текст на магнитофон. Прослушал запись. Не понравилось. Переписывал раза четыре, потом понял, что выше головы не прыгнешь, и успокоился. Ближе к часу ночи я, наконец, заполнил анкету, сложил ее вместе с текстом и кассетой в конверт и тут только хватился, что у меня нет фотографии!

Утром вместо пробежки пришлось идти к станции поездов под названием Онэ: там был автомат по срочному изготовлению фотографий. Название станции было немножко смешным и особенно веселило китайцев: иероглифы, из которых состояло название станции, можно было прочесть и как «Дайкон» — редька.

В автомате по изготовлению фото я, толком не выпавшийся, сел как-то криво, опустив подбородок на грудь, смотрел в экран исподлобья. Когда я увидел получившуюся фотографию, то сам себя не узнал. Но дело было сделано. Я запихнул фото в конверт и отдал его перед занятиями для отправки в учебную часть.

В этот же день на тренировке Сэнсэй сообщил мне, что 26 июня в Токио, в зале при штаб-квартире стилия каратэ «Вадо-рю», состоится квалификационный экзамен на черные пояса.

— Думаю, тебе надо попробовать. Ты ведь уезжаешь в конце июля?

— Да, — ответил я. — Спасибо. Я попробую.

— Ну, если не сдашь, можешь считать, что коричневый пояс первый кю тебе гарантирован — ты очень старался. Но я вижу, что могу разрешить тебе выйти на экзамен на черный пояс 1-й дан.

Я вновь поклонился и поблагодарил. Ёсукэ и Оде Сэнсэй тоже разрешил сдавать экзамен на черный пояс.

— Маарерий! У тебя есть единственный шанс! Ты ведь скоро уезжаешь! — сказал Ёсукэ. — Это мы можем через полгода попытаться снова. Хотя лучше сдать с первого раза, — мечтательно произнес он.

Честно говоря, я воспринял новость об экзамене на черный пояс как нечто нереальное, поэтому сильных эмоций предстоящее событие у меня тогда не вызвало. Характер тренировок, несмотря на предстоящий экзамен, не претерпел изменений: много базовой техники, отработка условленных комбинаций в парах (якусоку кумитэ) и ката. В конце тренировок — свободный поединок, но в щадящем режиме, а не битва до последней капли крови.

Двадцатого июня я получил письмо из оргкомитета по проведению конкурса японского языка среди иностранцев. В письме говорилось, что моя речь наряду с речами других 97 претендентов была подвергнута тщательному изучению и признана достойной финальной части. Таким образом, я в числе других пятнадцати финалистов 25 июня буду выступать в концертном зале на Касумигасэки. В результате состоявшейся жеребьевки мне достался номер 1.

Из отобранной Исии-Сэнсэй тройки советских студентов в финал прошел я один.

Итак, 25 июня меня ждало выступление перед японской общественностью, а 26 — экзамен на черный пояс по каратэ.

Всю оставшуюся неделю я репетировал под руководством Исии-Сэнсэй свое выступление. Речь пришлось учить наизусть: условиями конкурса запрещалось пользоваться текстом. Исии-Сэнсэй начала с того, что сама исполнила мой монолог. При этом она имитировала обращение к большой аудитории: двумя руками она как бы опиралась на трибуну, смотрела куда-то вдаль, постоянно поворачивала голову влево и вправо, словно переводя взгляд с одного слушателя на другого, улыбалась. Отдельные куски текста произносила более громко, другие — тише, усиливая впечатление от рассказа движением рук. Мне понравилось!

Потом Исии-Сэнсэй стала требовать от меня такого же артистизма. Это было сродни разучиванию ката. Раз по двадцать на дню я исполнял этот монолог, из них раз пять — непосредственно Исии-Сэнсэй. Она терпеливо слушала, делала замечания. Во время генеральной репетиции Исии-Сэнсэй даже попыталась воссоздать обстановку на сцене со слепящим светом софитов, направив на меня мощную лампу.

Выступать первым оказалось довольно нервным делом. Я отчетливо помню нарастающее чувство тревоги и волнение перед объявлением моего выхода.

Поднявшись на сцену и встав за большой широкий стол перед микрофоном, я посмотрел на зал, почувствовал на себе яркий свет и вдруг успокоился. Без запинки я отбарабанил заученный текст, в двух местах даже сорвав смех и аплодисменты. Несколько следующих речей я слушал невнимательно, приходя в себя. Из выступлений остальных участников конкурса мне стало ясно, что попадание в 15 лучших — это максимум, на который я мог рассчитывать. Особенно здорово говорили корейцы и тайваньцы. Четыре из пяти призовых мест заняли именно они. Выиграл конкурс 27-летний англичанин, около трех лет изучавший в одном из токийских университетов современную японскую прозу.

Потом был банкет, песнопения, поздравительные речи, тосты.

Я долго не мог отделаться от какой-то журналистки из японской радиостанции, которая назойливо подсовывала мне микрофон, прося поделиться впечатлениями от прошедшего конкурса. Я сказал ей несколько дежурных фраз и потихоньку исчез. Впереди было утро 26 июня — экзамен по каратэ.

Я подготовил до-ги и собирался лечь спать как в комнату зашел, предварительно постучавшись, наш руководитель группы.

— Ну, как конкурс?

— Вошел в 15 лучших! — бодро отрапортовал я.

— А призового места не удалось занять?

— Нет.

— Ну все ясно! Это потому, что ты из социалистической страны. Я сейчас готовлю итоговый отчет о стажировке: через месяц домой. Так я там напишу, что, несмотря на блестящее выступление советского студента, жюри не сочло возможным присудить ему призовое место, отдав предпочтение студентам из капиталистических стран.

Мне оставалось только пожать плечами.

В семь утра я был на станции Онэ. Вскоре подошли Ёсукэ и Ода.

Вновь я ехал в Токио, на этот раз работать не головой, а руками. И ногами.

Через час мы подходили к серому бетонному зданию, напоминающему школу. У входа уже толпилось более сотни японцев — как детей, так и взрослых.

— А дети что тут делают? — спросил я своих спутников

— У них есть «детский» черный пояс, который, если продолжать заниматься, по достижении 18 лет позволяет сразу выйти на экзамен, на «взрослый» черный пояс. Вот наш сэмпай именно так получил 1-й дан, — ответил Ёсукэ. Он был необычайно сосредоточен.

Народу тем временем прибывало.

— Ого!— удивился я. — Сколько людей!

— Экзамен проходит раз в полгода, и сюда съезжаются не только со всей Японии, но даже из-за границы! — пояснил Ёсукэ.

Словно в подтверждение его слов у входа в спорткомплекс появилась группа из трех иностранцев, по виду европейцев. Они радостно замахали мне — тогда в Японии «белые», даже незнакомые друг с другом считали хорошим тоном приветствовать друг друга. Мы перекинулись с ними парой фраз на английском. Оказалось, что ребята приехали на этот экзамен аж из Перу! Один собирался сдавать, а двое — группа поддержки.

Внутри здания, прямо в холле, были расставлены столы для регистрации претендентов и сбора взносов за экзамен. Размер взноса был для моего студенческого кармана весьма чувствительным — девяносто долларов. В случае успеха надо доплатить еще семьдесят — за оформление сертификата и пояс.

Сдав деньги, я получил маленький матерчатый квадратик с порядковым номером — 32. Этот номер крепился на до-ги, и на время экзамена эта цифра заменяла мне имя и фамилию.

Экзамен проходил в большом зале. В одной половине зала можно было потихоньку разминаться — но только до начала экзамена, а потом сидя ожидать своего выхода на его вторую половину.

Места за столом экзаменационной комиссии заняли семь японцев, в основном пожилых. В лицо я знал только одного — приехавшего к нам в зал Оцуку «Второго». Пожилой японец посередине, как сказал мне шепотом преисполненным почтения Ода, был сам основатель стиля «Вадо-рю» Оцука-старший.

Сдача экзамена оказалась делом нудным и утомительным, состоявшим в основном из бесконечных ожиданий своего выхода на татами перед светлые очи корифеев «Вадо-рю».

Первые два часа экзамен сдавали дети. Ровно в полдень был сделан перерыв на обед. Ёсукэ принес откуда-то три коробочки с бэнто — «походным» вариантом японского обеда, сказав, что деньги нам выделили некие спонсоры клуба каратэ. Только в начале второй очереди дошла до нас. За предыдущий день я изрядно поволновался, так что чувствовал себя, если не спокойно, то отрешенно.

Вызывали по двое. Надо было выйти, занять место в очерченном мелом круге — лицом к комиссии. Всего предстояло повторить эту процедуру четыре раза. Первый раз — базовая техника на месте и в передвижениях, второй — ката, третий — исполнение комбинаций каратэ — якусоку кумитэ, и четвертый — свободный поединок. Причем, во второй раз могли и не вызвать, если комиссия «зарубит» уже на этапе исполнения базовой техники.

Круги на полу были начерчены не просто так: если по окончании ката не удалось в него вернуться, это считалось серьезной ошибкой. Получивший «ноль» за ката ждал очередного экзамена еще полгода.

Каждый выход длился не больше трех минут, но перерывы между ними — по полчаса — утомляли гораздо больше, чем само выступление.

Мои выходы не очень отложились в памяти — помню только облегчение, когда увидел, что после ката вновь вернулся в центр круга.

Во время свободного поединка мы с 31-м номером сначала энергично обменивались ударами руками, не очень заботясь о защите, потом бой приобрел более осмысленный рисунок. Похоже, экзаменационную комиссию наш поединок — «белый» против японца — заинтересовал, и нас долго не останавливали.

Ода, вышедший на кумитэ сразу за мной, в пылу боя разбил своему противнику нос, у того потекла кровь. Неконтролируемое действие, повлекшее травму, автоматически означало дисквалификацию. Ода знал, что он провалил экзамен. Ёсукэ чисто прошел все четыре круга. Иностранец из Перу был хорош в базовой технике, но очень неубедителен в кумитэ.

После нас приступили к сдаче экзамена претенденты на второй и третий даны.

И только к пяти вечера экзамен завершился.

Нас построили, потом стали объявлять результаты, выкрикивая номера тех, кто сдал экзамен. Я стоял, задумавшись, как вдруг услышал: «Номер 32!» Я громко крикнул «Хай!», и тут все начали на меня оборачиваться. Оказалось, пока объявлялись результаты детского экзамена. Мне стало как-то неловко, поэтому, когда через некоторое время я вновь услышал: «Номер 32!», ответил тихо и неуверенно, настолько, что мой ответ не был слышан, и член экзаменационной комиссии, оторвав глаза от списка, посмотрел на меня и вновь четко произнес: «32!». Тут я не сплеховал и гаркнул «хай!» как надо, ощутив при этом мощный прилив радости.

Из претендентов на первый дан сдали экзамен две трети, на второй дан — только половина, а из четырех претендентов на третий дан сдал лишь один, заслужив продолжительные аплодисменты всего зала.

Потом мы вновь отстояли очередь — сдавали деньги. В отличие от утренней процедуры, когда все были напряжены и неразговорчивы, на этот раз очередь весело гудела. Ко мне подскочил радостный перуанец, мы хлопали друг друга по плечам, пожимали руки. «Ты здорово бился в кумитэ!» — сказал перуанец. Я ответил поклоном с нарочито громким «Осс!» Все вокруг весело рассмеялись. Дети, еще несколько часов назад сосредоточенные и молчаливые, сейчас с визгом носились по залу, устраивая свалки, и никто не обращал на них внимания.

Ёсукэ жил на полпути из Токио к университету — на станции Сагами-Ооно, и оставшийся путь мне предстоял вдвоем с Одой. Он был расстроен и как ни старался, никак не мог выглядеть беспечным.

Я чувствовал, что выражать какое-либо сочувствие с моей стороны будет нелепым и невежливым, поэтому молчал.

На нашей станции Онэ мы с Одой зашли в какую-то забегаловку, заказали рамэн. В заведении громко работало радио, и вдруг я услышал... свой собственный голос. Да, это был репортаж о прошедшем конкурсе японского языка и фрагмент моего интервью с назойливой журналисткой.

— И когда ты все успеваешь, Маарерий? — спросил Ода.

Я ответил что-то маловразумительное, и мы, доев рамэн, попрощались. Я пошел к себе в общежитие. Было темно, долгий путь в горку навевал тоску. Никакой особой радости я уже не чувствовал, скорее, некую опустошенность и усталость.

— Ну, как? Сдал? — спросил Сергей Ч.

— Да.

— Молодец! Не зря я тебя привел в каратэ! — обрадовался Сергей. — Эх, если бы я тоже ходил с тобой, сейчас тоже получил бы черный пояс. У меня ведь сначала лучше, чем у тебя, получалось! И растяжка была лучше!

— А кто мешал? — пожав плечами, ответил я и пошел мыться в фуру.

До возвращения домой оставалось чуть больше месяца.

— О! Маарэрий! Черный пояс!!! — приветствовали меня на следующей тренировке. — Поздравляем!! Теперь в Москве свой клуб откроешь?

— Какое там! Мне еще учиться и учиться! Черный пояс — это аванс! — отвечал я, несколько не лукавя. Так что оставшийся до отъезда в Москву месяц я тренировался в том же жестком режиме.

За три дня до моего отъезда перед последней тренировкой ко мне подошли Ёсукэ и Ода.

— Маарерий! Мы хотим тебя пригласить сегодня в ресторан — на прощальный ужин. Поехали в Токио?

Я сразу же согласился, даже не вспомнив о том, что наш руководитель группы строго запрещал нам ездить в Токио по одному, да еще и без уведомления. По правде говоря, все советские студенты уже давно перемещались по одиночке, заранее договариваясь друг с другом, якобы они были в Токио вместе.

Строгость нашего руководителя группы в некоторой мере была оправдана. За год до нас имели место неприятные случаи. Одного студента, выскочившего ночью из общежития за сигаретами, остановил полицейский патруль, а у него, как назло, не оказалось с собой документов. Его продержали в полицейском участке час, а потом выпустили. Это считалось ЧП: мало ли что наш студент наговорил или, не дай Бог, подписал! Другой студент загулял в Токио и не успел на последнюю электричку. Он появился в общежитии только утром, а тогдашний руководитель группы, опасаясь обвинений, что недоглядел, успел позвонить в посольство и заявить о пропаже студента. Парня отправили домой раньше положенного срока.

Доехав до станции Синдзюку, я, Ода и Ёсукэ засели в пивной ресторан, где можно было, один раз заплатив определенную сумму, неограниченно пить пиво и есть мясо, которое мы готовили сами прямо на жаровне, вмонтированной в наш стол.

Подвязав фартуки с фирменной эмблемой заведения, мы увлеченно жарили мясо, подкладывая друг другу готовые куски, пили пиво, непринужденно разговаривали. Вышли мы из ресторана где-то около полуночи.

Ода сказал, что у него есть дела в Токио, многозначительно подмигнул, показав при этом мизинец — жест, означавший, что его ждет подружка, и исчез. Мы с Ёсукэ поехали назад. До нашей станции поезда уже не ходили, через пять минут отправлялся последний поезд, который шел только до Сагами-Ооно, станции, где жил Ёсукэ.

Я почувствовал, как по спине пробежал неприятный холодок.

«Кажется, влип!» — подумал я, вспоминая невеселые прошлогодние истории с советскими студентами...

— Не расстраивайся, Маарерий! — сказал Ёсукэ. — Сейчас доедем до моего дома, а оттуда я довезу тебя на машине!

— Я благодарно кивнул.

Ёсукэ жил рядом со станцией. Он выкатил из гаража неповоротливую «Тоёту Краун». Все же Ёсукэ был здорово навеселе, потому что при выезде из гаража зацепился краем переднего бампера. Он даже не вылез посмотреть, что произошло, пробормотав только: «Ладно! Поехали!»

Через двадцать минут мы подъехали к общежитию.

— Ладно! Будь здоров, Маарерий! Не забывай нас!

— Счастливо, Ёсукэ!

Дойдя до бокового входа в общежитие (центральный закрывался ровно в одиннадцать, а остальные были открыты круглые сутки), я обернулся. Ёсукэ озабоченно осматривал бампер машины, основательно покореженный.

Мое отсутствие и позднее возвращение никем не было замечено.

Ночь перед отъездом нашей группы на родину гуляло все общежитие. Танцы, музыка, толпы народа перемещались то на улицу, то опять внутрь, на поляне запускались петарды и жарились шашлыки. Угомонились только к пяти утра.

Я испытывал смешанные чувства. С одной стороны, уже через полгода наступило пресыщение японской экзотикой, нестерпимо тянуло домой. Но когда отъезд стал реальностью, вдруг оказалось, что уезжать жалко. «Эх, было бы здорово съездить в Москву на каникулы, а через месяц-другой — снова в «Токай!», — подумал я с грустью.

В восемь утра за нами пришел автобус. Сонные, мы загружались в него, прощаясь с теми из студентов общежития, кто нашел в себе силы выйти нас проводить. Когда расселись, то оказалось, что одного студента не хватает: куда-то запропастился Андрей С. Андрей был парнем пунктуальным, любил выступать на политинформациях, всегда оповещал руководителя группы о своих перемещениях — его за это часто ставили в пример.

«Да выпил лишнего, и спит где-нибудь под кустом!» — сострил кто-то

Прошло еще полчаса. Надо было выезжать, иначе мы не успевали на пароход. Нам предстоял непростой обратный путь, снова тремя видами транспорта:

пароход — поезд — самолет. Руководитель группы, помаявшись, позвонил в посольство. Его там, видимо, успокоили, и велели везти группу в порт. Едва мы доехали до Ёкогамы, преподаватель вновь бросился звонить в посольство. Он вернулся к нам белый, как полотно, его губы дрожали: «Андрей попросил политическое убежище в американском посольстве. Эту новость уже передали по японскому телевидению».

Источник: www.shorinryu.ru